

Г. Витценман

Интуиция и наблюдение. 2 часть

*В тайне мироздания - отражение человека.
В тайне человека - откровение мира.*

I

Состояние сознания современного человека есть наблюдающее сознание. Наблюдающее сознание - это предметное сознание. Для современного сознания изолированные объекты являют себя субъекту, который столь же изолированно противостоит им. Однако этот субъект не совершенно отделён от объектов. Будь это так, мир был бы потерян: упавшее с яблони яблоко оторвалось от дерева - прежняя связь вполне потеряна. Субъект отделён от объектов, но он не совершенно одинок. Хотя объекты ему чужды и от него обособлены, они всё-таки остаются противостоящими ему. Противостояние есть общность с чем-то совсем иным. А это и есть наблюдение. Что именно этим и ничем другим поначалу объясняется суть наблюдения, показывает непредвзятой самонаблюдение, наблюдение, направленное на самого себя.

Если современный человек хочет понять самого себя, он должен понять природу своего сознания, он должен выяснить, каким образом наблюдающее сознание связано со всей целостностью человеческого существа, какая внутренняя конструкция открывается самонаблюдению и какие задачи оно решает.

Понимание сущности наблюдения стоит у порога самопознания современного человека. Предварительный обзор относящихся сюда вопросов и возможностей ответа на них опирается на фундаментальные гносеологические труды *Рудольфа Штайнера*: "Основные черты теории познания в мировоззрении Гёте" и "Философия свободы" [50].

II

Если весь объём человеческого сознания называть опытом (51) то в его границах можно различить две области. Объекты одной области задаются без участия (52) субъекта, то есть готовыми (53) (что касается их данности), объекты другой области - только при участии субъекта производятся. Готовые объекты (но не связанные с ними действия - акты - нашего сознательного поведения) Рудольф Штайнер называет восприятиями (54). Им противостоит вся сфера произведённого, выступающего только как результат нашей собственной деятельности, т.е. мышления (55).

Произведённо-данное не равнозначно области внутреннего. Сфера же восприятия включает и внешнее и внутреннее восприятие, поскольку это последнее выступает как готово-данное. Влечения, ощущения, чувства, аффекты и другие данные в опыте моменты нашей внутренней жизни выступают на горизонте нашего наблюдения без нашего участия, и, таким образом, они в оговоренном выше смысле являются восприятиями (56). Правда, чувства могут примыкать к понятиям и представлениям и, как их сопровождение и последствие, могут быть вызваны произвольно. Однако наблюдение показывает, что произвольно производятся только мысли и представления как вызывающие факторы, а, соответственно, элемент чувствования (57) (в зависимости от внутренней предрасположенности и прочих совпадающих по времени восприятий) выступает в качестве готово-данного. Вызванное не есть созданное: чувство провоцируется, а мысль есть результат наших усилий. Чувства можно вызвать, но и их нельзя создать. "Готово-данное", возникающее по разным поводам, образуется силами, происхождение которых поначалу окутано тайной (58). Напротив, происхождение образующих сил мышления открывается непосредственно, потому что эти силы проявляются в совершенно прозрачном самоопределении. Понятийные образования явно рождаются из своей собственной почвы, и этим мышление отличается от всего, что обусловлено внешними влияниями.

Сказанное относится и к мыслям озарения. Нам кажется, что они возникают в нашем сознании внезапно, что они без всякого повода, как готово-данные элементы, встают перед нашим умственным взором. Между тем наблюдение показывает, что только определённое благоприятное сочетание поводов (влияние окружения, настрой, предыдущее углубление в проблему) придаёт мысли характер озарения. Однако, настоящая мысль отличается от сопровождающих её (например, чувственных) элементов именно тем, что она есть результат усилий при менее благоприятных обстоятельствах (59). Как обусловленная моею деятельностью она чётко отделена от тех элементов, которые навязаны мне без моего участия, без претензий на мою собственную активность.

Упражняясь в различении готово-данных от произведённо-данных элементов, когда речь идёт о вызванных чувствах и мыслях-озарениях, мы обостряем способность наблюдения, которая требуется для понимания данного изложения.

В соответствии с различием сфер объектов различным образом обозначаются и способы, которыми субъект противостоит данному. Специфический способ противостояния, когда субъекту даются восприятия, Рудольф Штайнер называет *наблюдением* (60). Другой специфический способ противостояния, когда субъекту даются понятия и идеи, Рудольф Штайнер называет *интуицией* (61). Конечно, виды субъективности, выступающие в наблюдении и интуиции, весьма значительно различаются. Поскольку для правильного суждения о тех наблюдениях, которые можно сделать за самим наблюдением, несводимо понимание сущности интуиции, рассмотрим сначала эту последнюю.

III

Форма, в которой понятия выступают в нашем сознании, поначалу (пока мы обращаем внимание только на способ их появления) не иная, чем при наблюдении воспринятой готово-данного (62). Понятие тоже поначалу противостоит осознающему его субъекту (63). Таким образом, понятие отделено от субъекта и одновременно соединено с ним. Однако, противостояние, как соединение с чем-то отделённым от нас, мы можем в области восприятия непосредственно лишь констатировать, и говорить о нём как о признаке наблюдающего сознания. Само же это противостояние, его взаимосвязь с человеческим существом и всеобъемлющей действительностью поначалу является некой загадкой. В случае интуитивного сознания, напротив, можно дать непосредственно ответ на вопрос о его сущностных основах.

Наблюдая, как некое понятие выступает в сознании, мы замечаем, что оно обнаруживает себя с двух сторон: с одной стороны, как нечто произведённое нашей мыслительной деятельностью, как "некое свершение, некий акт; с другой стороны, - как содержание. Понятие, таким образом, имеет субъективную и объективную стороны (64). Известный логик Бернар Больцано (65) указывает на то, что мы можем увидеть это различие, сделав следующее гипотетическое заключение: если бы не было мыслящих существ, было бы истинно то, что мыслящих существ нет. Видно, что понятийное содержание этого утверждения существует независимо от его мыслимое субъектом. Различие между мыслью-актом и мыслью-содержанием точно схватывается путём следующих наблюдений:

1. Мы не можем связывать понятия по субъективному произволу, но только в силу их содержания (66) (например, понятия "целое", "часть", "величина" мы не можем связать с суждением "часть больше целого"). То есть мысле-акт производит нечто содержательно закономерное.

2. Содержания не являются, в отличие от актов, одновременно и способами проявления нашей субъективности, иначе они не могли бы быть связанными на основе несубъективной закономерности (67).

3. По этой причине понятия как содержания являются всеобщими по отношению к субъектам. Мысле-акт есть специфическое действие во времени определённого субъекта. Мысле-содержание (что теперь непосредственно видно из предыдущего изложения) не различается в различных головах. Понятийные содержания являются субъектно- всеобщими (68).

4. Но понятийные содержания являются также всеобщими по отношению к объектам. Эта объектная всеобщность может быть осознана не только путём сравнения понятия и предмета, но и из вышеизложенного. Это имеет значение, поскольку таким путём обостряется способность к наблюдению субъективной и объективной стороны понятийных образований. Понятия как содержания не

являются способами проявления субъекта, то есть они не специфичны, подобно субъекту (в его многообразных отношениях к объекту). Но каждое понятие существует в нерасторжимом единстве со всеми прочими мыслимыми понятиями, со всеобщей мыслительной связью, единством мышления. Каждое отдельное понятие есть, таким образом, репрезентант всех возможностей мышления, то есть установленной связи (69). Понятия суть взаимосвязи, независимые от объектов. Понятия как содержания, поэтому, объектно-всеобщие. Поскольку они суть интерпретированные сами собой способы связывания, а не индивидуализированные связи, они суть виды (классы) связей.

5. Хотя мышление как акт есть индивидуальная деятельность, но как содержательно замкнутое в самом себе целое оно - по ту сторону субъекта и объекта. Эти два понятия как содержания стоят в ряду других мысле-содержаний. Таким образом, они, независимо от какого-либо относящегося к ним акта, только на основании их содержательности помещены в некую всеобъемлющую связь и ею определяются (70). Мышление есть объемлющая субъект и объект абсолютная тотальность.

IV

Отдавая себе отчет о различии между мысле-актом и мысле-содержанием, не следует терять из виду их взаимосвязь, которая обнаруживается с такой же прозрачностью. Для осознания этой связи нам потребуется понятие *произведения*. Путём мысле-актов мы производим соответствующие мысле-содержания (71), но эти последние, как мы видели, по своей природе не субъективны. Как ещё определить мысле-акт в его соотношении к мысле-содержанию? Мысле-содержание само определяет себя на основании присущий ему собственной закономерности. Оно само, благодаря своей особенности и своеобразию, помещает себя во всеобщую (идейную) взаимосвязь (72). Более того, оно и *есть* ничто иное как эта взаимосвязь в одном репрезентанте (69). Оно само по себе удовлетворяет нашу потребность в познании, поскольку оно само в себе представляет возможность познания (взаимосвязь), не нуждаясь в связи как в восполняющем дополнении. Поэтому и мысле-акт мы должны попытаться включить в эту взаимосвязь. Это станет возможно только тогда, когда мы ясным взглядом чётко увидим его перед собой.

Мысле-содержания оказываются в сознании благодаря мысле-актам, и они отличаются от прочих содержаний сознания как произведённо-данные элементы от готово-данных (71). Мы проясняем их сущность а также сущность соотносимых с ними мысле-актов благодаря трём ступеням душевных наблюдений, путём упражнений в которых мышление просвечивает себя в себе самом.

1. Мысле- акт как опосредованно осознаваемое произведение сам является произведённо данным, ибо он не выступает без нашего участия. Мысле-

содержания произведены, ибо акты сообщают им *своё* собственное состояние. Возражение, что это состояние иллюзорно, поскольку за актами якобы стоят необнаруженные причины, - несостоятельно. Ибо то наблюдение, которое важно в данном случае, касается мысле-акта, каким он непосредственно представляется, каким он осознаётся. Далее, и бессознательное, если бы оно имело значение в этой связи, могло бы быть интерпретировано только сознательно. Я должен, таким образом, помыслить (необходимый для произведения прежде помысленного понятия) предыдущий мысле-акт. Ибо мышление есть произведение мысле-содержания путём мысле-акта. А мыслить всегда значит мыслить некое определённое содержание, производить его путём соотнесённого с ним акта. Содержанием в данном случае является то мысленное образование, которое - прежде чем оно будет помыслено соотнесённым с ним актуализированным содержанием - само производит некое содержание (ибо суть акта в произведении). Таким образом я, мысля акт, произвожу некий акт неким актом как его содержание. Благодаря этой встрече моих актов я осознаю себя идентичным в этих актах, встречающимся в них с самим собой, как "Я". В деятельно-мыслительном произведении акта как мысле-содержания само "Я" есть мышление (73).

2. Таким образом я прозреваю однородность мысле-содержания и мысле-акта - однородность, которая однако не является готово-данной, но постоянно должна возникать, производиться, актуализироваться (?).

3. Но мысле-акт не только однороден с содержанием. Он также состоит с ним во вполне определённом соотношении. Акт, соотнесённый с понятийным содержанием "треугольник", непригоден для того, чтобы произвести понятие "млекопитающее". Итак, по содержанию сам мысле-акт есть квалифицированно производящее мышление, специфически соотнесённое с соответствующим мысле-содержанием⁷⁵. На основании приведённых наблюдений можно понять, что Я в мысле-акте, во-первых, само задаёт себе мыслительное содержание (73), а именно то, которое затем и стоит перед ним как понятийное содержание, во-вторых, оставаясь в своей стихии, противопоставляется тем самым как равное некоему равному (74), в-третьих, творя самоё себя, является самовоспроизводящимся и самопроизведённым, формируя равное через равное (содержание через акт) и равное для равного (акт для содержания) с замкнутом самоединстве (75, 76).

Объективная содержательность и

субъективная актовость мышления на самом деле - одна и та же сущность. Она лишь проявляется двояко, обнаруживает себя с двух сторон. Здесь объективность и субъективность суть формы одной структуры (77). Когда мысле-содержание противостоит интуитивному мысле-акту, мы наблюдаем взаимосвязь, с которой дано равное для равного и равное через равное (78). Интуитивный акт из изобилия субъективных возможностей духовного сродства черпает духовное соединение с изобилием объективной действительности духовного ландшафта. Благодаря этому, осознавая самоё себя, "Я" превращает себя в Я.

Тем самым мы пришли к пониманию сущности *противостояния, взаимосвязи и раздельности* (79). Те образования нашего существа, с которыми связано раздельное в противостоянии, мы называем чувствами (Sinne) (80). Поэтому интуицию и наблюдение можно рассматривать, из-за этого общего им признака, как виды чувств (Arten von Sinnen) (81). Понимание сущностной структуры чувства (des Sinnes) поначалу выступает только в случае интуиции. Чувство в этом случае есть тождественное, которому (путём произведения) даётся тождественное, которое (на основе тождества) усматривает тождественное и, тем самым, в лицезрении объективного лицезрит самоё себя.

V

Теперь обратимся к *наблюдению*. Ему, как и интуиции, свойственен характер чувства, то есть взаимосвязь с обособленным в противостоянии. И здесь субъект соотнесён с определённым объектом благодаря активному элементу. Когда я наблюдаю какое-то дерево, множество моих чувств (зрение, обоняние, осязание, чувство равновесия, движения и т.д.) обращено на объект. С каждым из этих чувств в соответствующем (наблюдающем) акте соотнесено определённое содержание. Однако, в отличие от интуиции понимание внутренней взаимосвязи являющегося при этом сплетения наблюдаемого и самого процесса наблюдения поначалу ещё не открывается, так как понятие произведения непосредственно не применимо к наблюдению. Ведь сущность наблюдения как раз в том, что оно берёт своё содержание как готово-данное, избежавшее субъективного влияния. Для решения загадки наблюдения необходим иной ход рассуждений. Будем исходить из того, что поначалу наблюдению поддаются только частности (82). Ясно, что это дробление на частности относится к сущности наблюдения. Ведь если бы структурные связи также как и частности проявлялись как данные, никакое различие не поддавалось бы наблюдению (83).

Мир был бы расплывчатым однообразием. Мы обязаны возможностью различения именно тому факту, что взаимосвязи не даны в готовом виде, но производятся нами благодаря мышлению и

добавляются к готово-данным элементам. Итак, наблюдение протекает поначалу как последовательный ряд частных наблюдений. Каждое из этих частных наблюдений имеет форму "это" (Form der Diesheit), изолированной частности (84). Изолированные частности, безусловно, различаются друг от друга. Тождественное неразличимо совпадает (85). Образования, являющиеся одинаковыми по всем прочим признакам, тем не менее, были бы различны во временном и пространственном отношениях. То есть они были бы не равный представляли бы собой предметы различных актов наблюдения. Иначе мы имели бы дело не с несколькими предметами, но с одним и тем же образованием.

Мы постигнем характерную особенность этого общего различия объектов наблюдения, исключив все взаимосвязи, то есть опустив или отстранив все понятийные добавления, благодаря которым мы постоянно произвольно связываем частные наблюдения. Если мы спросим, что нам даёт обнаружившееся тогда полное дробление объектов, то нам придётся принять во внимание, что отношения объектов внутри себя и между собой, в их внутреннем и внешнем поле, а также и все отношения объектов к субъекту имеют понятийную природу. Во всех этих отношениях нам не даны, таким образом, то различие, которое принадлежит к сущности наблюдаемого. Важно, погружившись в процесс сосредоточенного наблюдения, выявить то, что остаётся как чистый опыт, как совокупность разрозненных и изолированных элементов. Если в этом настроении (редуктивного) (86) отказа (87) отстраниться от всех связей, то уже не обнаружатся ни комплексы и ряды вещей и состояний, ни множества, ни обстоятельства, ни целокупности, ни членения; ни движения, ни процессы. Говоря о *множестве* вещей, мы уже различаем и резюмируем, соотносим одно с другим, сочетаем частности и понятия (88). Далее, каждое движение как ряд последовательных стадий уже является соединением наблюдаемого (готово- данного) и понятия (89). Говоря о столе, к одному предмету я свожу большое многообразие наблюдений (90). Или говоря о пятнах краски на стене, я уже многократно привлёк понятийные элементы, употребив множественное число, обозначив пространство и качество краски (91) (что представляет собой классификацию и различие в пределах одной шкалы сравнимого, то есть - понятийное - отношение).

Таким образом, вещи как абсолютно различные выпадают из общности с другими вещами. Но они распадаются также и внутри самих себя. Многообразие, в котором вещи бесконечно раскрываются как внутри себя, так и во внешних отношениях (и то же самое справедливо относительно каждой из частей), схватывается благодаря понятийным элементам. И точно также противостояние (92), благодаря которому только и даются объекты, содержания наблюдения, есть (понятийная) взаимосвязь между субъектом и объектом, чуждая чистой беспонятийной различаемое как сущностному признаку того, что *только* наблюдается. Различия сами по себе суть только различия без содержания, чистая пустота (93), поскольку всякое *наполнение есть* отношение и существует благодаря отношению (94). Для чистой интенции наблюдения снимается различие между субъектом и объектом, благодаря же акту наблюдения различие и взаимосвязь субъекта и объекта возникает.

VI

Здесь будто бы возникает некое настораживающее противоречие. Мы наблюдаем противопоставление как существенный признак наблюдения. Но к его сущности также принадлежит, как мы видели, безотносительная различаемость (95). В ней также снимается свойственное наблюдению отношение субъект - объект (92) и этим само наблюдение. Безотносительная различаемость как

интенция наблюдения есть, таким образом, понятийная (интуитивная) неразличаемость. Но здесь, по существу, нет никакого противоречия. Ибо наблюдение само по себе каждый раз ведёт к своей границе (96).

Этот *опыт границы* принадлежит к самой сущности наблюдения. И только здесь можно с полным правом говорить о таковой. Опыт (переживание) границы, различаемости выступает каждый раз лишь в наблюдении, то есть лишь благодаря взаимосвязям и раскрывающимся содержательным наполнениям. Границы проявляются в пределах соответствующих отношений субъект - объект как разделения, благодаря которым субъект и объект противостоят друг другу и благодаря которым возникает структура наблюдения. Границы обнаруживаются при соотношениях объектов между собой. То, что некое Красное есть своеобразно иное "это", чем Синее, выявляется благодаря отношению их различия (an ihrer Unterschiedsbeziehung). Само по себе различимое "Синее" есть, однако, нечто сущностно иное, чем его отношение к цветовому окружению, благодаря которому содержательно наполняется некое качество цвета. Будь это не так, в многообразии не выступало бы никакого различимого (прерывно) образования, но была бы одна неразличимая (непрерывная) связь.

Последнее рассуждение можно прояснить указанием на следующую взаимосвязь. Так же, как мы переживаем наше *бодрствующее* (наблюдающее, предметное) *сознание* в его своеобразии только благодаря тому, что оно отличается от других соотнесённых с ним состояний - *сновидения* и *сна* без сновидений, с одной стороны, и (интуитивного) *мыслящего сознания* (97), с другой стороны - точно также и в наблюдении выделяется ряд *ступеней бодрствования*. Сознание границы в глубоком сне (das Tiefschlafbewusstsein der Grenze), в котором снято всякое отношение, обнаруживается в сновидческом наполнении произвольно- бессознательно сплетённых отношений (86) как нечёткое расплывчатое очертание - в отличие от чётких очертаний субъектно-объектных отношений, которые, произведённые полностью сознательно, стоят перед бодрствующим сознанием. Ещё более высокую степень бодрствования представляет собой наблюдение за мышлением, интуиция, ибо она не содержит никаких непроницаемых элементов, но только такие, которые совершенно прозрачны. Но и это проницание членится, как мы видели, на три ступени бодрствования (98). Только на третьей из этих ступеней достигается прозрение, возможность заглянуть в истинную суть интуиции, в творящее самоё себя существо мышления.

Наблюдение, таким образом, направляется в сторону своей границы, самоустранения и, тем самым, в направлении отсутствия наблюдения и сознания. Эта граница в наблюдении есть тот элемент, который можно назвать чистым восприятием, то наблюдаемое, которое даётся непосредственно только при проведении границы, без всякого участия мышления (99). Чистое

восприятие, таким образом, есть характерная для любого наблюдения, граница, опыт границы. Это ограничение и опыт границы остаётся неразстворимым и

неугасимым дифференцирующим элементом также при любом развитии мысленного проникновения и создаваемого им единства. Вместо того чтобы отступать перед таким единством, этот монадологический элемент в сфере проникновения скорее провоцируется понятийными средствами связывания к постоянно новому самообнаружению в сокрытии, поэтому образует всё новое побуждение формирующего мышления.

VII

Из сказанного возникает возможность характеризовать человеческое познание в его отношении к действительности. Эта характеристика необходима, если мы хотим полностью раскрыть сущность наблюдения.

Всё *содержательное* мира, выступающего в наблюдении, обнаруживается в связях и является связью (100). Сущность самого наблюдения определяется контуром границы сознания и по этой границе. Взаимосвязь обнаруживается только в мышлении, поскольку оно есть содержание (66, 67). Это содержание по своей природе не субъективно, но имеет собственную закономерность. Именно оно помещает сам субъект в общую взаимосвязь (70). Всякое познание есть связывание восприятия и понятия, заполнение границ сознания путём их преодоления и одновременного обострения взаимосвязи (101). Поскольку мышление само есть содержательная взаимосвязь, оно как духовная нить переплетается с границами сознания (102). Познание начинается уже при наблюдении, ибо в процессе наблюдения границы видятся в переходе к первым содержательным наполнениям. Но как же происходят эти первые наполнения? Ответ на этот вопрос уже дан в сказанном выше. Дальше он будет прояснён последующим ходом рассуждений (и тем, что будет сказано в разделе VIII).

Действительность человеку не дана в готовом виде (104). Она возникает только в его познании, путём объединения до того разрозненных элементов восприятия и понятия. Процесс познания, начинающийся с *наблюдения*, завершается в *научном* познании (105) путём поступательного связывания бессвязных элементов, поступательного понятийного проникновения в наблюдаемое многообразие и путём наблюдения самого этого процесса. Таким образом, действительность возникает в познании как замкнутое целое путём преодоления пределов сознания понятийным пронизыванием наблюдений (84, 101, 106). К этой единой действительности принадлежит сам человек как духовное существо, единое с духовной сущностью мира благодаря способности созидания. Однако, как отдельное наблюдаемое существо, он, как и любой иной элемент мира наблюдений, ограничен контуром границы сознания. Он не существует как существо в тотальности духовно-мыслительной взаимосвязи, но как существо среди существ. Тем самым он есть также наблюдающий, противостоящий объекту субъект (92, 96). Вспомним, что мыслительные образования как акты имеют субъективную сторону (64). Как содержания они - тотальное существо (всеобще-целое) даже в

репрезентации одного понятия (69). Актовый характер содержаний есть их проявление в наблюдаемом выделенном из взаимосвязи существе, в некоем субъекте. Выступление понятий поэтому есть первоначально **внутреннее откровение** этого субъекта (107). Это есть проявление универсального элемента в специальном, благодаря деятельности и в качестве деятельности этого последнего.

Это выступление, однако, становится возможным только потому, что специальное, то есть субъект, сущность которого, заключённая поначалу в его отдельности от универсального, относительно своей отделённости снимается, отменяется, оттесняется. Выступление мышления как внутренне откровение субъекта уже является **оттеснением**, его выступление как внутренне откровение субъекта начинается с оттеснения. Если мы назовём наблюдаемую (субъективную) обособленность нашей **организацией**, то при вступлении мышления оттесняется в нас именно она, организация (108). Формы оттеснения тогда образуют **негативы** оттесняющих образований (109).

VIII

Теперь в этой связи может быть сделан решающий шаг познания. Мы видим как универсальное (мышление) выступает внутренним откровением специального, некоего существа, замкнутого в предельности той или иной отделяющей субъект и объект) границы сознания. Это, правда, как мы видели, не означает, будто внутренне откровение по своему содержанию имеет субъективную природу. Но это означает, что связь по началу не проявляется объективной, поскольку в этом исходном положении разорвана духовная нить между вещами, а также между вещами и субъектом (104). Дабы, разорванная связь была восстановлена, понятийное образование сначала должно схватить себя в интуитивном самообнаружении, потом быть воссоединено с принадлежащим ему воспрятийным элементом (81, 96, 110) и, наконец, снова быть узно в нём. (111). До этого тройного продвижения интуитивное мышление выступает сперва только как элемент, оттесняющий организацию субъекта. И как раз с этой формой его выступления, как мы видим, необходимо связаны как отдельность мировых явлений от того или иного субъекта, так и раздельность объектов друг от друга. Проявление связеобразующего элемента не как обвивающей и пронизывающей мировые явления нити, но как мыслительного внутреннего откровения субъекта, и отделение объектов от субъектов - взаимосвязаны, как теперь также видно. Оба феномена суть две стороны.

Однако, всё содержательно-существенное поддающейся наблюдению предметной сферы, как было показано, имеет понятийную природу (93,100). Значит, то, что поначалу выступает как внутренне откровение субъекта, есть **сущность** ему противостоящего (112). И в этом причина, почему отделение не является полным. Будь оно полным, не было бы и никакого **противостояния**. Ибо оно есть **взаимосвязь в раздельности**. Эта взаимосвязь разделённого в

противостоянии есть, однако, как теперь модно видеть, не что иное как выступление сущностного содержания отдельного существа в другом существе, в субъекте, но при этом субъект ещё не осознаёт своё внутренне откровение как сущность объекта. Однако, это поначалу подсознательное сущностное содержание стремится стать осознанным и самоосознанным. Это стремление выявляется в вопросах, возникающих в субъекте, который непосредственно осознаёт только нераскрытое выступление упомянутого сущностного содержания в сфере своей организации. Таким образом, в возникновении вопросов подсознательное предзнание стремится стать осознанным. Это подсознательное предзнание действительно тогда, когда понятийное образование выступает поначалу только в качестве элемента, оттесняющего субъективную организацию, но само для себя ещё не стало интуитивно прозрачным. Оттеснение субъективной организации понятием обнаруживается, тем самым, как противопоставление объектов, включённых в границы сознания. Оттеснение субъективной организации есть, таким образом, формирование сознания, формирование наблюдения (113).

IX

По существу, мы едины с вещами. Ибо действующим в нас является то же самое духовно-сущностное, что и в явлениях мира, по началу от нас обособленных. Поэтому один и тот же элемент вызывает как обособление и разделение, так и приводит к связи и соединению. Только благодаря этому возможна связь с тем, что отделено. Это следует из интуитивного самопрозрения мышления в свою образующую сущности силу формирования, а с другой стороны оттого, что всякое содержательное (60) наполнение наблюдаемых объектов имеет мыслительную природу (116). Поначалу, однако, сущность вещей выступает в нашу (изолированную) субъективность как оттесняющий элемент. Этот элемент уже при первом вступлении в область человеческой организации имеет понятийный характер, хотя этот последний, поскольку он интуитивно не раскрыт, поначалу выявляется *только* в своей оттесняющей и, тем самым, разделяющей субъект и объект функции. Таким образом, не раскрыто понятийное становится *строителем сознания и наблюдения* (117). Тем самым *наблюдение*, подобно интуиции, оказывается *всматриванием равного в равное* (118). Наблюдение есть всматривание понятийного образования, субъективно поначалу удерживаемого, в самое себя как в скрытое границей сознания объективное образование. Образование, удерживаемое в негативе оттеснённой субъективности, и образование, скрытое границей сознания, суть две стороны одной и той же вещи (119). Они соотносятся примерно так же, как в случае интуиции мысле-акт и мысле-содержание. В обоих случаях сущностью общей им органичности оказывается восприятие равного равным. Следовательно, интуиция и наблюдение суть чувства (Sinne). И они являются таковыми, поскольку они одной природы с тем, что поначалу от них отделено. В мире, где всё пронизано творческим духом, и невозможно помыслить ничего иного.

Из сказанного явствует, насколько наблюдению, так же как и интуиции, свойственна та же сущностная структура (Wesensgefüge), связь с отделенным и связь отделенностей между собой. Для удовлетворительного прояснения сущности этих двух видов чувств необходимо ещё рассмотреть и существующие между ними связи.

X

На основе предыдущего сущность наблюдения можно характеризовать также следующим образом: понятийные образования как оттеснения субъективной организации, но ещё не как (осознавшие сами себя) интуиции суть (наблюдающие) чувства (Sinne). Наблюдение есть область понятий, сформированных путём оттеснения организации как **органы чувств**, которым соответствуют объекты как понятия в контуре и скрытости **бессознательности**.

Это кажется противоречащим привычному понятию органа чувств. Между тем сами телесные органы чувств нам даны всегда только как объекты определённых наблюдений. То, что действительно переживается как чувство, как общность с отделённым в противостоянии (120), не следует путать с содержанием наблюдения за **телесными** органами. Само наблюдение (сущность противостояния и его вчленение в наше телесно-душевно-духовное существо, а также во всю действительность) путём исследования телесных органов никогда не выступит перед наблюдением. Телесный орган доступен наблюдению опять-таки только через наблюдение (121). Он не может наблюдать себя сам. Если бы это было так, то само наблюдение, подобно тому, как при заболеваниях наблюдают состояние органов вместо объективно соотнесённых с ними восприятий. Поэтому результаты физиологии чувств лишь умножают материал, который, будучи понятийно связан с самообнаружением наблюдения, может внести свой вклад в дальнейшее раскрытие сущности наблюдения. Этот вклад предполагает, однако, изложенное здесь самораскрытие наблюдения. Сам материал вклада не может сделать понятным то, что необходимо для его понимания. И этого понимание нельзя было бы достичь, если бы в сущностной структуре (Wesensgefüge) наблюдения не было заложено приходить к самообнаружению. Это следует из того, что чувство наблюдения (der Beobachtungssinn) может раскрываться в себе и для себя, и что наблюдающее сознание может породить скрытое в нём интуитивное сознание. Для наблюдающего сознания самый существенный элемент его сущностной структуры остаётся неосознанным. Сознание, поскольку оно выступает как наблюдающее сознание, зиждется на неосознанности мышления, то есть органо-подобного понятийного образования, специфически соотнесённого с определённым восприятием. Обычное сознание, постигая наблюдаемый мир, как бы поглощает элемент зародышевых сил (das kaim Kräftige Element), формирующих его сущностную структуру, и не позволяет ему развивать сущие в нём задатки - процесс, который можно сравнить с употреблением в пищу семенного зерна. В интуиции как самораскрытии наблюдающего органа лежащая в нём

формообразующая сила приводится к развитию (122). Только так мы осознаём формирующие силы действительности и вхождение в неё наших органов.

Мы не проясним сущности наблюдения указанием на соотношение отдельных классов наблюдения с определёнными телесными органами. Зато наблюдения в физиологии чувств и в психологии хорошо согласуются с фактом описанного выше образования негатива, которое происходит путём оттеснения субъективной организации. При проведении наблюдений в физиологической сфере (в телесном органе чувств и связанной с ним области организации) происходят редуцированные образования (Rückbildungen), которые должны быть восстановлены, дабы использованная область организации оставалась дееспособной. Нам удалось показать, что *наблюдение, сознание и орган чувств* {в смысле данного изложения} не могут возникнуть без процесса *оттеснения*. Однако, указание на телесные органы не ведёт к пониманию сущности наблюдения. Вера в это есть только ослепление абстрактными (отвернувшимися от наблюдения) представлениями, которые замутняют взор, мешая ему действительно наблюдать исследуемые структуры. Действительное наблюдение, напротив, исходя из обратного, позволяет увидеть, как необходимость участия нашей организации при возникновении наблюдения и наблюдающих чувств обратно станет понятной из данных связей.

XI

Интуиция по отношению к наблюдающим чувствам есть чувство более высокого типа (123). Только в ней дело доходит до самоприсутствия понятийных структур, которые в наблюдении, с одной стороны, субъективно ограничены процессом оттеснения, а с другой стороны, объективно скрыты тенями границы. Только интуитивное самораскрытие является также тем ключом, который отпирает загадку наблюдения (124). В интуитивно раскрытых понятиях узнаётся содержательная сущность объектов наблюдения (113). В то же время прозрение интуитивной сущности мышления ведёт к характеристике действительности и познания. Из этой характеристики выводится приведённое здесь описание наблюдающих чувств (125). Наблюдающие чувства (которые соответственно вышесказанному не следует путать с соотнесёнными с ними телесными органами чувств) можно в смысле настоящего изложения рассматривать как понятия, ставшие конституциональными. Они выступают конституционально, как элементы нашей организации, поскольку мы сначала осознаём их лишь опосредованно, благодаря факту наблюдения, не прозревая их структуры. В наблюдающем сознании мы осознаём только результат их деятельности, который проявляется именно в формировании этого сознания, но ещё не осознаётся непосредственно их самих. Это происходит только в интуиции. Понятно, что, обнаруживая родство сущностной структуры наблюдения и интуиции, мы открываем и общий корень психологических и логических образований. *Психология как описание сущностной структуры объектного сознания, то есть противостояния субъекта и объекта, и тем самым наука о чувствах, функциях чувств и соотнесённых с ними объектах, имеет*

своей задачей описание способов оттеснения, благодаря которым понятийные образования внутри человеческой организации проявляются как чувства, до их интуитивного самораскрытия (126), (127). *Логика*, напротив, в соответствии с таким воззрением, становится наукой о самораскрытии понятийных образований, которые поначалу выступают конституционно (128).

XII

Идя путём этих рассуждений, мы видим, что вопрос о сущностной структуре наблюдения не является специальным вопросом психологии. На него можно ответить удовлетворительно, только если рассматривать его в связи со всем человеческим существом, включённым в целостность действительности. В качестве предварительного результата (требующего, разумеется, дополнения и дальнейшего развития) можно прийти к следующему воззрению:

Для нашего предметного сознания мы как изолированные существа противопоставим отделённому от нас многообразию окружающих явлений мира. Однако, сущностное содержание явлений мира вторгается в нас (96). Благодаря этому в нашей субъективной организации возникают чувства как душевно-духовные органы, которым и даны противостоящие объекты. Типические сферы явлений мира соотносятся с типическими областями наблюдающих органов в понятийных типах, ставших конституциональными. Это - ворота в мир, которые открывают панораму, но ещё не вход в их область. Для этого необходимо сначала раскрыть эти ворота. Ключ здесь - их самораскрытие в интуиции. Интуиция является центральным чувством (129) в сердцевине нашего существа, которое обращает к миру врата чувств. Их открытие происходит благодаря просвечивающей самоё себя интуиции, которая одновременно есть просвечивание (130) конституционального понятия как в самом себе, так и в объективном противостоянии. Интуиция, раскрывающая самоё себя в восприятии равного через равное, как центральное чувство раскрывает периферийные чувства (открывая их ворота) как органы, также воспринимающие равное через равное (131). Таким образом, общая сущность интуиции и наблюдения обнаруживается в наблюдающем мышлении как восприятие равного через равное в смысле афоризма Гёте: "Каждый новый предмет, хорошо рассмотренный, открывает в нас новый орган" (132).

Подтверждением справедливости гётевского изречения и должен был служить данный в предыдущем примере упражнения душевного наблюдения. (Данный в предыдущем примере упражнения душевного наблюдения должен был служить подтверждением справедливости гётевского изречения.)

Примечания:

75. Ф 67. 210 сл. - Первую из этих ступеней следует отличать от третьей. На первой ступени Я получает опыт исходя с какого-то уже совершенного мысле-акта. Оно узнаёт, как в этом последствии оно само задаёт себе содержание мыслящей деятельности, делает себя мышлением. На третьей ступени мышление переживается как самотворческое, из самого себя возникающее существо.

76. Для двух первых из обозначенных здесь ступеней мышления, которое раскрывается, высвечивается и развивается в своей полярности - акт-содержание - Рудольф Штайнер в более поздних своих работах использует термин "имагинация" и "инспирация", в то время как термин "интуиция" он применяет только в смысле того, что здесь обозначено как третья ступень. Имагинация, инспирация и интуиция как ступени осознающего самого себя мышления являются ступенями сознания, которые по сути своей уже ощущаются в переживании мышления. В своих более поздних работах, опирающихся на "Основные черты теории познания" и "Философию свободы", Рудольф Штайнер подробно описывает дальнейшее развитие этих ступеней как специфических способов и сил познания.

82. Ср. прим. 80 - ОТП 21 сл., 24 сл.. ФС60, 117 сл. 75.

83. ОГПЕ 16: Однако, различимость воспринимаемых подробностей самих по себе не следует путать с различающей деятельностью рассудка; ср.49сл. - Ф 65: Мышление нельзя обнаружить, как того хотелось бы мыслителям-материалистам, "путём простого процесса наблюдения", то есть таким же способом как другие предметы, содержащиеся в мире. Оно, напротив, ускользает, не поддаётся "нормальному наблюдению" и доступно лишь "исключительному состоянию" наблюдения, а именно интуиции. А наивное сознание (наивный реализм), первой аксиомой которого является девиз "не существует ничего, чего нельзя воспринять" (113) и для которого понятия - всего лишь теньные подобия восприятий, всё-таки пытается уловить связи в форме восприятий (90): душу - как тонкую чувственную материю в наивной вере в бессмертие и привидения (113), телесное Откровение Бога - как свидетельство его действительности (113а), формирование всего преходящего невидимыми силами, аналогичными вещам в их бытийной форме (114), Божественное существо - как действующее антропоморфно (115), нравственность - как результат ощутимо воздействующих элементов (авторитарные принципы: 152, совесть: 152, 139. 155), естественные природные связи - как результат недоступных восприятию, но реальных целей Творца, аналогичных человеческим (160). Дуалистические мировоззрения, которые представляют реальность как потустороннюю, не доступную человеческому сознанию "вещь в себе" (трансцендентно), точно так же мыслят взаимосвязь аналогично восприятию, то есть так же как и материализм, дуализм является бессознательным наивным реализмом (102). Однако переживание различимости при конкретном наблюдении вынуждает представителей этих мировоззрений перемещать в метафизический мир взаимосвязь, которую они представляют по аналогии с воспринимаемой реальностью (115 сл.) Попытка мыслить связь как подобное восприятию, но недоступное наблюдению формирование (что происходит во многих физических, физиологических способах представления (ср.

99 сл., 109, 111, 115, 116 сл.), неизбежно приводит к нелепому понятию(не поддающееся восприятию восприятие" (116сл., 127, 152 сл.).

84. ОТП 44, ср. ФС 66, 100.

85. ОТП 44, 66: Константа обнаруживается в своих различных модификациях (отдельных метаморфозах) только на основе мыслительного или действительного (то есть изолирующего и затем снова объединяющего отдельные модификации) эксперимента. Это - "высший опыт в опыте". Ср. работу "Идея эксперимента у Гёте и современное естествознание".

86. ФС 75 сл.

87. ОТП 22

88. ОТП 53 сл.

89. ФС 93 - ОТП 64, 49 - ФС 105; ср. работу "Erkenntniswissen schaftliche Bemerkungen zum Bewegungsproblem" (не переведена).

90. Предмет является не суммой признаков восприятия (см. примеч. 99), но структурой элементов, сгруппированных понятиями.

91. Различение качеств (свойств, признаков) - как рассудочно-понятийную деятельность - не следует смешивать с вечно-непонятийной и потому совершенно неопределённой различимостью, которая встречается в поле восприятий (ср. прим. 83). Чем являются эти непонятийно-безотносительные чистые различимости - невыразимо словами, с помощью которых могут быть выражены только представления. Поэтому о чистых различимостях нельзя узнать теоретизируя. Их можно схватить только упражняясь. С помощью слов можно лишь направить внимание на необходимую верификацию (ОТП 30: ср. примеч. 99).

93. ОТП 48, ср. прим. 100.

94. ОТП 49.

95. "Безотносительная различаемость" может показаться противоречивым выражением, так как различия суть отношения, а безотносительное не может быть различимо. Но противоречивым это выражение будет казаться только до тех пор, пока мы понимаем его в смысле понятийного высказывания, суждения. В действительности речь может идти только об указующем высказывании, которое направляет внимание на цель, не поддающуюся понятийному определению в смысле примеч. 91 и 99. Если понимать это выражение' таким образом, то оно не содержит недопустимого противоречия.

96 ФС 74, 94 сл., 104, 117 сл. - Из опытов границы при наблюдении возникают вопросы познания: ОТП 97 (Интерпретация этого положения даётся в настоящей статье в рассуждениях о раскрытии наблюдающих чувств путём интуиции.) - Ср.: Рудольф Штайнер. "О загадках души". 1925, 207 сл..

97. ФС 91.

Ср. примеч. 76.

99. ОТП 26 сл. Рудольф Штайнер цитирует Йог. Фолькельта (Теория познания Канта). Фолькельт приводит пример ряда наблюдений, в которых внимание постоянно направлено на границу наблюдения (сознания). Тем, что при этом перечисляет Фолькельт, могут быть, в соответствии с языковыми средствами выражения, только содержательные, значит состоящие в отношениях между собой как в субъектно-объектном отношении друг к другу, и, тем самым заполненные элементы. Однако, в смысле ОТП 30 внимание читателя при этом направляется так, что оно постоянно осознаёт границу (вспоминает границы) различимости фактов, то есть чистую(ой) восприимчивость(ности) у развивающейся в её связи содержательности. Ср. Йог. Фолькельт. Уверенность и истина. 1918. 120 сл.

106. Но если в области познания делается попытка придерживаться этого опыта границы, как это случается, когда употребляют понятие-бессмыслицу "граница познания" в смысле ограничения познания, то это - перенесение опыта границы при наблюдении, наивно подменяющее предельность (ср. примеч.96), подобное подмене образующих взаимосвязь (понятийных) элементов по аналогии восприятий (ср. примеч. 83). Здесь речь идёт о понятии-бессмыслице в смысле наивного реализма, поскольку преодоление границы принадлежит к сущности познания. Попытка, путём образования псевдопонятия, перенести форму наблюдающего сознания в такое сознание, которое по своей сущности представляет собой его дальнейшее развитие, объясняется неспособностью охватить взглядом различные области человеческих переживаний без замутняющей предвзятости и неизбежно связанной с этим склонностью понимать многообразие явлений по аналогии с одной единственной абсолютизированной областью или привычкой.

111. ОТП 48 сл.

113. Так как это противопоставление покоится на откровении универсального в индивидуальном, наличие этого элемента, который вбирает в себя индивидуальное обособленное бытие, выражается как- подсознательное предзнание, как прорыв, как жажда познания и, тем самым, как порождение вопросов, пока понятие не будет интуитивно обнажено для самого себя.

118. Ф 75: противостояние как общность с отделённым понимается как общий структурный элемент интуиции и наблюдения, поскольку в основании и того и другого одинаково лежит структура мышления. Ср. ОТП 54, 23.

119. ОТП 97.

120. Ср. примеч. 79 сл., 113, 118.

121. ФС 85, 95 сл.

122. Рудольф Штайнер. Die Ratsei der Philosophie II, 22; ОТП 96, ФС 92.

123. ОТП 55.

124. ОТП 47 сл.

125. ОТП 96, 48, 67.

126. При этом с каждым восприятием соотнесено как его орган бессознательное понятийное образование, делающее возможным наблюдающее сознание. А разные классы таких органов объединены в сферы чувств (осозания, зрения, слуха и т.д.). Сферы чувств поэтому имеют ту же структуру, что и фасетное зрение у насекомых. Эти сферы чувств суть всеохватно типичные основы специфических органов, которые являются носителями функции в каждом специфическом акте восприятия. Точное определение соотношения специфического (актуального) органа с типическим (потенциальным) составляет одну из важнейших задач психологии.

127. Взаимосвязь психологии и логики чётко определена уже в следующих словах (ОТП, с.84): В человеческом индивидууме "общее непосредственно деятельно в единичном существе, только деятельность эта различно проявляется, смотря по предметам, на которые она направлена". Ср. ОТП 83, 46 сл..

128. Таким образом (психологически) конституциональные понятия, то есть чувства (логично) становятся категориями, пра-понятиями, которые по отношению к другим понятийным образованиям являются охватывающе упорядочивающими функциями. Поскольку они являются столько же самоформированием человеческой индивидуальности, творчески постигающей себя в тотальной сущности действительности, сколько и формированием взаимосвязей феноменов мира, их истинной сущности, логика как наука действительности становится наукой свободы: ФС 156. (В интуитивном самораскрытии человек постигает лежащую в наблюдающем сознании предрасположенность к свободе, раскрывая и развивая её.) Одновременно открывается взгляд на пра-категориальную сферу, которая представляет собой единство индивидуальных и универсальных категорий.

130. ОТП 23, 60.

131. ОТП 97.

132. "Значительный стимул от одного единственного меткого слова".